

МЕТОДОЛОГИЯ

И.А. ГРИГОРЬЕВА

Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000-х годах

В статье речь идет об изменении роли государства в социальной политике, о развитии ее теоретических моделей за последние 20 лет. Дан обзор современных подходов к оценке результативности социальной политики, в рамках которых неравенство доходов и расходов может быть менее важно, чем неравенство фундаментальных свобод. Показано, что роль человека в социальной политике растет, хотя она становится все более экономной.

Ключевые слова: социальная политика, государство благосостояния, права и обязанности граждан, согласование интересов, новый менеджериализм и эффективность, показатели развития человека.

The article focuses on the changing role of the state in social policy, on the development of its theoretical models for the last twenty years. An overview of modern approaches to the efficiency evaluation of social policy, in the framework of which the inequality of income and expenditure may be less important than the inequality of fundamental freedoms. It is shown that the role of man in the social policy is growing, although social policy becomes more economical.

Keywords: social policy, welfare state, citizen's rights and obligations, agreement of interests, new social management and effectiveness, indicators of human development.

Теоретическое развитие социальной политики в течение второй половины XX в. было сконцентрировано вокруг понимания ее объекта, целей и измерения результатов. Принято было считать, что результаты социальной политики должны быть связаны с ростом благосостояния, снижением неравенства собственности или доходов. Однако в конце 1980-х гг. эта идеология подверглась критическому переосмыслению. В период президентства Р. Рейгана (конец 1970-х–1980-е гг.), произошло резкое снижение расходов на социальные программы в США. Тогда же политика М. Тэтчер ознаменовалась уменьшением роли государства и приватизацией социальных сервисов в Великобритании. В это же время в Германии началась резкая критика “заботливого социального государства”. В переосмыслении основ социальной политики и роли государства в ней большую роль сыграли программные публикации крупнейших социологов Н. Лумана [Луман, 2000] и Ю. Хабермаса [Хабермас, 1993]. Завершила 1980-е гг. широко известная книга Г. Эспин-Андерсена “Три мира капитализма благосостояния” [Espin-Andersen, 1989]. В 1990-е гг. стали складываться новые подходы, была осознана необходимость проведения интеграционно ориентированной

Григорьева Ирина Андреевна – доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

социальной политики, направленной как на развитие человека, так и на социальное развитие в целом.

Изменение роли государства в социальной политике

Сложность теоретического реконструирования социальной политики обусловлена противоречием между целостностью общества и разделением его на определенные сферы (сектора). Разделение государства, рынка и гражданского общества как секторов социального целого, с одной стороны, и противоречие между социальными интересами общества и его социально-групповой структурой, в которую входят группы, репрезентирующие субъекты и объекты социальной политики, – с другой, еще больше усложняют задачу. И наконец, поскольку отношения между людьми и социальными группами иерархизированы, для понимания возможностей социальной политики важно учитывать увеличивающуюся скорость перемещений людей и групп в горизонтальном и вертикальном направлениях, о чем пишет З. Бауман [Бауман, 2009, с. 163].

Очевидно, методологический контекст осмысления социальной политики должен включать такие важные понятия, как нелинейность, беспорядок, сетевидность целей, временные параметры различных изменений, и т.п. [Будон, 1998; Дернер, 1997]. Заметное влияние на теоретическое развитие социальной политики оказали идеи “общества риска”, предложенные У. Бемом [Бек, 2000] и Э. Гидденсом [Giddens, 1991]. В изложении Е. Сабурова эти идеи выглядят следующим образом: “Реальность бурно вмешивается в стройный замысел, и вместо соразмерной и изящной фабрички по производству всечеловеческого счастья возникает нечто монструозное, но очень хорошо работающее. Экспоненциальный рост производительности труда позволяет решать проблему ликвидации голода, повышения продолжительности жизни, резкого улучшения условий проживания и т.д. Наряду с этим происходят национальные и социальные катастрофы, но и вырабатываются инструменты и институты, позволяющие бороться с их угрозами” [Сабуров, 2008, с. 126].

Для объяснения процессов формирования социальной политики с макропозиций в западной социологии используется подход, разработанный П. Бурдьё. Здесь предлагается более широкое понимание взаимодействия государства и общества, *социальная реальность рассматривается как поле взаимовлияния структурных условий и действий социальных агентов*. Поле социальной политики конструируется идеологией и правом, с одной стороны, и структурирует коллективные действия агентов поля – с другой. “Можно рассматривать социальную политику как социальное поле, на котором разворачиваются конфликты интересов и возможности их согласования. Согласование конкурирующих и конфликтующих интересов агентов (акторов) общего социального поля и следует рассматривать как цель социальной политики” [Бурдьё, 1994, с. 181–182]. Этот подход кажется плодотворным, поскольку в нем подчеркивается не только конфликт интересов участников социальных взаимодействий, но и необходимость, а главное – возможность, их согласования средствами социальной политики.

Интересы различных групп в периоды быстрых изменений общества не являются заданными, неизменными и рационально осмысленными, что увеличивает необходимость их научной рефлексии, общественного обсуждения и согласования. Недостаток рациональности, перевод “рационального” из ранга социального конструкта в ранг универсального понятия вызван авторитарными тенденциями и стремлением планировать счастье людей. “Благие намерения государства” – так характеризует политику государства, предлагающего универсальные модернизационные проекты, не учитывающие многообразие общественных интересов, Дж. Скотт [Скотт, 2005]. Социальная политика обозначает деятельность государства, направленную на общие цели и интересы, как *polis* Аристотеля, в отличие от политики частного бизнеса или личных интересов в духе Н. Макиавелли.

На первый взгляд, трудно операционализировать технологию согласования интересов. Но не менее трудно и определить сами интересы, которые носят целеценностный, а не только целерациональный характер. В такой стране, как Россия, трудно корректно сформулировать “новые”, конкурентные интересы после господства в

течение многих лет идеологема “мы – советский народ”. Ведь в современном политизированном обществе свои интересы формулируют и выдвигают разные группы, но общество принимает те, которые удастся успешно лоббировать. Кому удается?.. Понятие “интерес” – лишь ценностное суждение, предлагаемое людьми, в компетенцию которых входит его определение. Это не “правила всеобщего консенсуса” по Дж. Бьюкенену [Бьюкенен, 1997, с. 129] или “необходимый компромисс” по Хабермасу. В России это, как правило, субъективный выбор достаточно небольшой и не всегда даже репрезентирующей чьи-либо интересы, кроме собственных, парламентской группы или группы в исполнительной власти, бизнесе, СМИ.

В соответствии с упомянутым подходом Бурдьё и Гидденса социальная политика рассматривается одновременно как структурируемый и структурирующий социальный институт. Ее поле конструируется за счет дискурсивных средств номинации и кодификации, определяющих гражданско-правовой статус любой социальной группы. “Кодификация – это операция приведения в символический порядок или поддержки символического порядка, которая наиболее часто возлагается на высшие государственные бюрократии” [Бурдьё, 2001].

Более того, значение государственной власти как для общества, так и для выдвижения приоритетов социальной политики во многом заключается в том, что она задает определенную интерпретацию происходящих процессов, формирует определенные представления и интересы. Сегодня необходимо уделять внимание оценке возможной роли государства взамен уверенности в функциональности политики государства в отношении экономики, общества и населения.

Изменения социальной политики в 1990-х гг. и их отражение в теоретических моделях

Анализируя переплетения реальной и доктринальной социальной политики, большинство исследователей все же едины в оценке 1990-х гг. как периода кризиса социальных государств и социальной политики, коснувшегося всех типов социально-экономических систем: социальных государств, постсоциалистических государств и модернизирующихся государств “третьего мира”. Помимо внутренних “дефектов” различных систем социальной политики (таких, как патернализм, бюрократизация, разрастание клиентальных групп, недооценка этнокультурной специфики и т.д.) большую роль сыграли новые факторы развития:

- глобализация экономики, сопровождающаяся увеличением несправедливости в международном разделении труда, ростом различий в доходах и потреблении, особенно заметным в региональном аспекте;

- существенное расслоение в уровнях здоровья и образования, чему придается гораздо большее значение, чем раньше;

- ослабление роли национальных государств, рост влияния международных финансовых институтов, транснациональных корпораций, международных торговых и других соглашений, что справедливо не только для стран “третьего мира” и государств с переходной экономикой. Например, в 1977 г. МВФ рекомендовал Великобритании провести структурную реорганизацию экономики в связи с наиболее высоким уровнем займов в Европе. Это вызвало значительное сокращение финансирования социальных программ и гарантий помощи населению со стороны государства. Сегодня правительство Д. Кэмерона проводит еще более масштабное сокращение бюджета, чем “железная леди” М. Тэтчер в 1978 г. [Дискуссия...];

- увеличение подвижности профессиональной и социальной структуры общества; “перетекание” занятости из индустриального, вторичного в третичный, служебный и четвертичный, “креативный” сектора занятости; формирование “регионов-локомотивов” или “городов-локомотивов” развития, увеличивающих степень расслоения населения даже в развитых странах;

– необратимые демографические изменения (в том числе, старение населения не только в развитых и постсоциалистических странах, но практически во всех странах мира);

– активное вовлечение женщин в общественное производство и (в меньшей мере) мужчин в воспроизводство и обслуживание семьи, растущее разнообразие форм семейной жизни;

– снижение политической и социальной роли профсоюзов, возникновение новых социальных движений, представляющих интересы маргинальных (по отношению к традиционным налогоплательщикам – среднему классу) групп, таких как женщины, люди с ограниченными возможностями, “зеленые” и т.д.

В самом начале 1990-х гг. теоретические дискуссии были подогреты выходом в свет книги Эспин-Андерсена “Три мира капитализма благосостояния” [Espin-Andersen, 1989], ставшей надолго самой популярной и цитируемой специалистами. Обсуждение типологии, предложенной Эспин-Андерсеном (континентальная, либеральная и социал-демократическая модели), привело к выводу, что моделей может быть и больше, и меньше, что зависит от основания, на котором они выделены. Возникли разные варианты расширения и, наоборот, редукции предложенной классификации. Книга Эспин-Андерсена появилась в момент подъема феминистского движения. Это обусловило критику его подхода как “слепого” по отношению к женщинам и не учитывающего проблематику гендерного неравенства в социальной политике.

Особенно существенными оказались вопросы специфики социального гражданства женщин и декоммодификации. Последнее понятие весьма важно в анализе Эспина-Андерсена, поскольку он классифицирует режимы социальных государств, исходя из уровня декоммодификации. Возникло множество дискуссий вокруг преимуществ или недостатков декоммодификации как принципа социального государства. Эспин-Андерсен под воздействием феминистской критики пересмотрел свои представления о роли семьи и согласился, что новой экономикой обслуживания управляет семья, но совершенно по-новому. Производитель услуг сталкивается с домохозяйством как невероятно сильным соперником, поскольку домохозяйство само способно себя обслуживать. В появляющейся структуре семьи не хватает именно времени из-за революции в мотивах и предпочтениях женщин [Эспин-Андерсен, 2008].

Подход Эспин-Андерсена оказался, по мнению некоторых авторов, слишком “шведоцентричным”, не учитывающим неоднозначную роль государства в социальной политике. П. Абрахамсон, опираясь на светское переосмысление католического принципа субсидиарности и на понимание значимости роли семьи, предложил четыре модели социальной политики (континентальная, либеральная, социал-демократическая и католическая) [Abrahamson, 1993]. Действительно, тенденции прошедших 20 лет показывают, что значение семьи постоянно растет, особенно в реализации поддержки детей и пожилых. Поэтому поддержка семьи должна осуществляться не только через выплату пособий и предоставление услуг в специализированных сервисных организациях. В нее должны входить и меры по поддержанию самого института семьи, сохранению его целостности и возможность осуществлять и традиционные, собственно семейные функции. Это приводит к необходимости оценки ресурсов семьи и расширения “бухгалтерского исчисления индивидов” в ситуации, когда традиционные модели семейной поддержки, основанные на “сверхзанятости” женщин в семье, уходят в прошлое.

Довольно обширной была и дискуссия о том, как минимизировать количество моделей социальной политики. Идеальными типами, в духе М. Вебера, можно считать “модель Бисмарка” и “модель Бевериджа” с ориентацией, соответственно, на приоритет прав работника и приоритет прав человека. Однако есть и другие варианты итерации моделей:

– объединить либеральную и социал-демократическую модели, исходя из принципа универсализма;

– объединить континентальную и социал-демократическую модели, исходя из общей социал-демократической направленности на защиту прав наемных работников через систему страхования;

– объединить либеральную модель с католической, исходя из принципа остаточного финансирования, защиты прав человека и опоры на ресурсы гражданского общества и семьи.

Публикация в 2000 г. “Социал-демократического манифеста” Блэра–Шредера как программы “либерализации социализма” или “социализации либерализма” показала, что современный мир ищет новый консенсус: “Мы хотим не устранить, а модернизировать социальное государство, уйти от неолиберальной инерции. Мы хотим пойти новыми путями солидарности и ответственности перед другими, не создавая мотивы для осуществления экономических мер во имя личной выгоды. Способность национальной политики к тонкому управлению экономикой на благо экономического роста и увеличения числа рабочих мест была переоценена, значение же отдельной личности и экономики в целом для повышения благосостояния недооценены. Да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу” [Блэр, Шредер, 2000, с. 101].

Итак, изменения общества в 1990-е гг. привели к изменениям парадигмы социальной политики. Если до 1990-х гг. считалось, что социальные проблемы требуют большего вмешательства государства, то в анализируемый период начался и сейчас, после кризиса 2008 г., активизируется процесс либерализации социальной политики государства с целью решения социальных проблем экономизированными, более эффективными, методами. Эти процессы в Европе обозначают как фискализацию в противоположность этатизации социального государства, хотя “этатизация государства” – не очень удачный термин для обозначения расширения вмешательства государства.

Привычная для россиян этатизация и патернализм связаны с активным включением государства на разных уровнях в производство и распределение благосостояния, а “фискализация” – с требованием связей между финансовыми взносами и целями, на которые они тратятся, прозрачности расходов для налогоплательщиков и одобрения ими принятых социальных программ. По мнению голландского социолога Т. Шуита, “гражданин в системе налоговых обязательств должен быть больше похож на вкладчика в системе социального страхования, а не просто налогоплательщика, обязанного расплатиться с государством” [Schuit, 2001]. Налоговые выплаты граждан должны учитываться подобно персональным взносам в страховых системах. “Новая предусмотрительность” рассматривает граждан в качестве “активных вычислителей риска” и “риск-менеджеров”, уполномоченных “осуществлять их собственные выборы” для повышения эффективности системы страхования или перераспределения [O’Molloy, 1996]. Так преломляются в социальной политике уже упоминавшиеся идеи “общества риска” и “нового менеджериализма”, в контексте которых язык рациональности признается *универсальным метаязыком* для описания всех социальных, культурных, нравственных и прочих реалий.

Предполагается, что в будущем благосостояние станет еще больше зависеть от каждого человека. Реализация целей происходит на контрактной, договорной основе, позволяющей гражданам формировать индивидуальные сценарии социального страхования и защиты. Изменяются устремления и техники, с помощью которых производится новая индивидуальность. Финский социолог И. Хелен [Helen, 2000] называет эту ситуацию “превратностями элфера” (явная отсылка к К. Марксу, его “оборачиванию метода”). Английский социолог Н. Роуз оценивает эти изменения как драматические, ведущие к фрагментации социального в индивидуальных интересах, как “смерть социального” [Rose, 1996]. Новый дискурс сообществ, “коммюнити”, не только возвращает к коммунитаризму, но еще использует понятие “сообщества” в критике тенденций развития “государства благосостояния” последних трех десятилетий. Сообщество как объект личного чувства причастности может быть локальным, этническим или определяться стилем жизни, оно не требует “ценза оседлости”. Оно может

быть обозначено как символическое сообщество идентификации или ближайшего уровня вмешательства.

Дискуссии о кризисе или новых возможностях развития социального государства говорят о том, что идеальной модели государства, не понуждающей человека к собственным усилиям для достижения благополучия, нет и быть не может. Развитие такого детерминистского подхода во взаимоотношениях государства и человека привело бы к отказу от возможности выбора и идеи свободы и ответственности человека как высшей ценности.

Новые пути гражданской ответственности. Соотношение социальных прав и обязанностей

Для современной социальной политики на фоне все более широкого использования идеи универсальности прав (гендерное равенство, “общество для всех возрастов”, “общество/среда без барьеров” и т.д.) актуальна дискуссия о том, какова степень ответственности самого человека как социального деятеля за уровень реализации своих прав, за уровень собственного развития. Идея универсальности прав человека – совсем новая, если говорить о социальной истории, она противоречит традиционному партикуляризму, тому, что в прошлом *все права и обязанности носили сословный характер*, развивались в тесной связке с происхождением человека. Более того, современный французский философ Ж. Маритен отмечает, “что в эпоху древности и Средневековья в большей степени уделялось внимание *обязанностям* человека, нежели его *правам*. Определенное достижение (великое достижение, разумеется) XVIII столетия состояло в освещении того, что естественное право требует также *прав человека*. Однако во второй половине XX в. внимание переместилось с обязанностей исключительно к его правам” [Маритен, 2000, с. 91].

В христианском мире первичной религиозной обязанностью каждого христианина была ответственность за свое место в нем. Долг каждого – благодарность Господу за жизнь и хлеб насущный, что можно назвать “моральным контрактом”, который, естественно, оставался в основе контрактов между человеком и государем, человеком и государством. Но необходимо признать, что различные типы обществ, составляющие их социальные группы и граждане по-разному соотносят права и обязанности по отношению к государству и друг другу.

Что же касается “обязанностей государства”, то к их числу относят “четыре свободы”, то есть свободу от бедности, свободу слова, свободу вероисповедания и свободу от страха, ни одна из которых, как отмечал еще Р. Титмусс, не является специфической проблемой государства благосостояния [Titmuss, 1987, с. 2]. Бедными в разных формах государства занимались еще с XVII в., а сам термин “государство благосостояния” появился намного позже и, возможно, не имел столь положительных коннотаций, как в XX в. [Veit-Wilson, 2000]. Политические права постепенно стали обязательными для большинства граждан еще в конце XIX в., а в XX в. и женщины, и малообеспеченные также их получили. Свободу от страха можно истолковать в социальном смысле, и тогда страх и страхование окажутся тесно связанными, и мы получим связку между философскими идеями и практикой социального страхования в современных государствах.

Многие авторы отмечают, что подъем индивидуальных гражданских прав и обязанностей имел обратный эффект редуцирования социальной солидарности и межгруппового доверия. Тот же эффект имело увеличение социальной мобильности. Слабость связей и обретение личностью колоссальной свободы приводят к коррозии и распаду института гражданства [Бауман, 2009, с. 44], а разделение прав и разработка механизмов их защиты ведут к дальнейшей бюрократизации, генетически присущей государству благосостояния, о чем говорили немецкие социологи еще в 1970-х гг.

Возникшая совсем недавно возможность защищать социальные права человека, а не только права собственника или другие гражданские права, по-новому ставит и во-

прос об обязанностях человека, в том числе обязанностях считаться с правами других. Эта тема также нуждается в осмыслении. По всей видимости, права и обязанности имеют обратимый или симметричный характер, по крайней мере, для дееспособных членов общества. Но здесь – новый аспект вопроса по сравнению с проблемой гарантий социальных прав и возможностей государства в их обеспечении. С моей точки зрения, только симметричность гражданских прав и обязанностей делает общество справедливым, что совпадает с точкой зрения К. Поппера. Он прямо связывает проблематику прав и обязанностей с понятием справедливости: “Большинство из нас, особенно те, кто привержен гуманизму, говоря о справедливости, имеют в виду следующее: а) равное распределение бремени гражданских обязанностей, т.е. тех ограничений свободы, которые необходимы в общественной жизни; б) равенство граждан перед законом при условии, что законы не пристрастны в пользу или против отдельных граждан, групп или классов; в) справедливый суд; г) равное распределение преимуществ, а не только бремени, которое может означать для граждан членство в данном государстве” [Поппер, 1992]. Акцентируя “гарантии” социальных прав, политики занимаются театрализацией социального долга, по выражению французского исследователя П. Розанваллона. Особенно это характерно для избирательных кампаний разных уровней.

Многие авторы отмечают, что гарантии прав разрушают обязанности. Однако сохранение баланса, то есть согласование, необходимо, поскольку неравенство воспроизводится многими социальными механизмами, действующими так, что уменьшаются права и увеличиваются (акцентируются) обязанности низкостатусных или низкодоходных социальных групп. Возвращаясь к уже цитированному документу, еще раз подчеркну высказанную в нем мысль: “...цель социальной политики должна заключаться теперь в том, чтобы... превратить сеть социальной безопасности в трамплин для прыжка к собственной ответственности” (курсив мой. – И.Г.) [Блэр, Шредер, 2000].

От “роста благосостояния” к “развитию человека” как цели социальной политики

Проблема результативности социальной политики тесно связана с более общей проблемой измерения результатов любых социальных вмешательств, когда оказывается, что экономический рост не всегда социально эффективен. Отмечу, что чувствительность к данной проблеме проявила католическая церковь. Еще в 1952 г. Пий XII в Рождественском послании наметил ставшее теперь общепринятым различие между *ростом* экономических показателей и *развитием*, принимающим во внимание “человеческую цену” материального благосостояния. Он писал: «Как для народов, так и для отдельных людей “иметь” больше не есть конечная цель. Всякий рост амбивалентен. Будучи необходим, чтобы позволить человеку быть человеком, он превращается для него в тюрьму, едва только становится для него высшей целью, заслоняя собою весь остальной мир... Стяжательность есть самая очевидная форма моральной недоразвитости» [Лобье, 1989, с. 149].

Международный законодатель в области социальной политики в лице ООН и ее организаций (ЮНИСЕФ, ПРООН и т.д.) в последние десятилетия также все время “сдвигался” от акцента на рост благосостояния к развитию человека и параметрам этого развития. В 1990 г. ПРООН опубликовала свой первый доклад с оценкой экономического и социального прогресса стран мира, в котором было сформулировано понятие человеческого развития: “Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора – жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение” (<http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>). А с 1991 г. организациями ООН используется Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), где все страны мира сопоставляются не только

по уровню благосостояния (ВВП на душу населения), но и по уровням образования и продолжительности жизни. Таким образом, ООН поставила вопрос о том, используются ли результаты экономического развития для всего населения каждой страны или только для определенных социальных групп.

Интегральный характер ИРЧП обуславливает как его достоинства, так и недостатки. Очевидно, что он не характеризует качественные параметры благосостояния, социального равенства и пр. По данным ИРЧП, первые три места в “мировой иерархии” чаще всего занимают Норвегия, Канада и США, хотя большинство специалистов считают образцом “качества жизни” Швецию и Норвегию как стран “скандинавской модели социализма” или малые страны Европы, что еще раз говорит о сложных взаимосвязях между уровнем ИРЧП и уровнем затрат на социальные гарантии. Правда, Норвегия “вырвалась” вперед в последние годы, когда за счет разработки нефти и ее экспорта вырос показатель ВВП на душу населения. Но это было бы невозможно, если бы по уровню здоровья и образования эта страна давно не находилась в числе лидеров. Ведь и сейчас Норвегия уступает по показателю ВВП не только США и Канаде, но и таким европейским странам, как Швейцария и Люксембург. В то же время США занимают одно из лидирующих мест в мире из-за значительного перевеса в уровне ВВП, поскольку показатели здоровья и образования там высокие, но не лучшие среди развитых стран. А другие страны Западной Европы имеют более низкий рейтинг по ИРЧП и занимают 10–20-е места. Но фактически различия между показателями ИРЧП у этих стран невелики.

В ответ на критику ИРЧП были усовершенствованы и разработаны дополнительные показатели, в том числе показатель гендерных возможностей и индекс развития, включающий гендерные факторы (ИРГФ). В 1997 г. в Докладе о развитии человека представлена концепция бедности населения и показатель для ее измерения – Индекс нищеты населения (ИНН). Если ИРЧП используется для измерения усредненных достижений в основных аспектах развития человека, то ИНН отражает недостатки в этих же аспектах.

При расчете рейтинга ИРЧП в 2010 г. методисты ООН учитывали все новые статистические показатели. Они скорректировали ИРЧП с учетом характера неравенства, ввели индекс гендерного неравенства и индекс многомерной бедности. Сейчас строка в рейтинге определяется с учетом не трех, а семи национальных параметров. Это привело к существенным изменениям привычных мест ряда стран, рассчитанных с помощью трех параметров [Доклад... 2010]. В 2010 г. лидерами рейтинга стали Норвегия, Австралия и Новая Зеландия. В десятку стран-победителей с очень высоким уровнем ИРЧП входят США, Ирландия, Лихтенштейн, Нидерланды, Канада, Швеция и Германия.

Среднемировой ИРЧП в 2010 г. вырос до 0,68 с 0,57 в 1990 г., продолжая следовать повышательной тенденции с 1970 г., когда он составлял 0,48. Это увеличение отражает совокупный прирост почти на четверть индикаторов здоровья и образования и удвоение дохода на душу населения. Очень важный с современных позиций список “гендерно равноправных” стран возглавляют Нидерланды, Дания, Германия, Швейцария и Норвегия. Место России в нем пока не определено.

Использование ИРЧП за 20 лет подтвердило, что рост уровней здоровья и образования не прямо связан с ростом доходов, то есть благосостояния в узком смысле слова. Можно предположить, что в современных условиях образование и здоровье дают тот стартовый социальный капитал, который позволяет решить проблемы роста благосостояния, а не наоборот, как это было в XIX в. Акцент постепенно переносится с *роста благосостояния на задачи и возможности развития человека.*

Задачи борьбы с бедностью тоже трансформируются. В последние годы о социальной динамике стали чаще рассуждать, пользуясь не только метафорой “лестницы”, но и метафорой “пространства”, стало шире использоваться понятие “горизонтальной мобильности”. Сегодня представления о том, к чему можно стремиться человеку, то есть целях на индивидуальном уровне, сильно изменились. Довольно многим людям

уже нужны не только и не столько “домик с лужайкой”, сколько интересная, творческая работа, возможность самореализации и личного роста. Значение образования и здоровья в достижении подобных “постматериалистических” ценностей оказывается выше благосостояния, то есть уровня жизни.

Остановимся на широко дискутируемом новом подходе к целям социальной политики А. Сена, нобелевского лауреата по экономике [Сен, 2004]. Аргумент Сена заключается в том, что неравенство доходов и расходов менее важно, чем неравенство фундаментальных свобод. Он переопределяет бедность как объективное сокращение возможностей личности (*capabilities*), ее свободы выбирать и действовать. *Capabilities* не то же самое, что *abilities* (возможности не равны способностям). Этот термин относится не только к тому, что люди способны делать, но к их свободе вести образ жизни, который они ценят, считают важным и имеют на это свои основания. *Capabilities представляют существенный зазор между материальными ресурсами и человеческими достижениями.* Сен представляет жизнь индивида как “его фактическую способность осуществлять те или иные формы функционирования, значимые для данного индивида”. Доступность всех ресурсов для максимально полного осуществления индивидом значимых для него функций является, по Сену, подлинной свободой в отличие от либералистской трактовки свободы как легального разрешения определенной деятельности.

Насколько бедность может быть относительной в пространстве благ, настолько она всегда абсолютна в плане *capabilities*. Сен считает, что равные затраты не всегда приводят к равным результатам, потому что человеческие возможности и реальная свобода, с которой люди должны придать форму своему стилю жизни, могут быть объективно стеснены. Английский социолог марксистского толка Х. Дин считает, что известный специалист по проблемам бедности П. Таунсенд [Taunsend, 1998] пытался объективно определить “точку”, в которой относительная депривация ведет к индивидуальной неспособности участвовать в делах общества. Сен же искал обстоятельства, в которых личность абсолютно депривирована в способности функционировать (делать или быть), не испытывая стыда [Dean, 2009, p. 265]. Одним словом, дискуссия развивалась вокруг условий социальной *экслюзии/инклюзии*.

И если в англо-американской традиции в центре современного социополитического дискурса оказалась свобода “по Сену”, то Еврокомиссия начиная с 2005 г. продвигает “социальное сплочение” как приоритет социальной политики и предложила уже массу разработок этого понятия. Выдвижение понятия “сплочение (*social cohesion*)” произошло на фоне давно длящейся дискуссии об условиях социальной *экслюзии/инклюзии*. Это типичная для современной социологии пара понятий, где первое обозначает собственно проблему, а второе – пути ее решения. Совет Европы предпочитает понятие “сплоченность” и занимается разработкой методических инструментов (индикаторов) для измерения и увеличения степени сплоченности [Комплексная... 2006].

Человек в социальной политике

С моей точки зрения, пришло время рассматривать человека как равноправного партнера каждого из трех секторов и субъекта социальной политики. *Человек, индивид, личность* – не единица, не атом в безвоздушном пространстве, а поле столкновения социально-культурной обусловленности и личностной активности, биологической нужды и социальных требований, взлетов и падений, прорывов к истине и заблуждений. Долгое время социальная политика развивалась, исходя из того, что “идея социальной науки состоит в признании факта неспособности индивида (или общества) свободно или незаинтересованно читать или направлять свою жизнь. Впрочем, самоанализ не только усиливает ощущение драмы существования, но нередко и умиротворяет” [Голофаст, 1997]. Но этот взгляд сегодня кажется слишком объективистским и несоответствующим социальным реалиям. На роль индивидов в социальной политике можно

смотреть глазами О. Конта, К. Маркса и Э. Дюркгейма, а можно – глазами М. Вебера, строя рассуждения на понятиях человеческого действия, которое никогда не бывает полностью predetermined. “В центре веберовского, или более современно, акционистского подхода – пристальное внимание к значениям, которые изменяют течение действий, предпринятых деятелями (актерами)” [Берто, 1997, с. 19]. При этом социальные действия всегда являются взаимодействиями, что показывает родство Вебера, интеракционистов и Хабермаса.

В “текущей современности” почти все социальные позиции или роли могут быть освоены гораздо большим числом индивидов, чем в сословном или классовом обществе. Во всяком случае, эти позиции не заданы, могут изменяться благодаря активности самих индивидов в большей степени, чем благодаря каким-то усилиям государства или социальных служб. На помощь извне полагаются изначально люди с внешним локусом контроля, лично слабые, которые, даже получив помощь, чаще используют ее для закрепления в низкой позиции, чем для выхода из нее, что подтверждает уже двадцатилетний опыт работы российских социальных служб.

Преобразуя социальную реальность на уровне элементов, человек видоизменяет свойство социальной среды, будучи инициатором различных вариантов развития общества как системы. А современная социальная политика рефлексивна, управленческие действия государства в отношении экономики, общества, семьи и человека, признает, что они имеют высокий потенциал самоорганизации. Но уменьшение роли государства увеличивает требования к новой модели человека или новой субъективности. Освобождение как общества, так и человека от патронажа государства благосостояния или клиентальной зависимости от него требует от каждого ответственности, благоразумия, способности управлять собой и расчета последствий своих действий на протяжении всего разумно и заблаговременно спланированного жизненного сценария.

* * *

Сегодня в ситуации глобального кризиса или возможности его повторения уже очевиден общеевропейский крен от социал-демократических к правоцентристским решениям в области социальной политики. Уменьшается роль государства, активно дискутируется вопрос о том, что “большое общество” нуждается в “маленьком правительстве и государстве”. Подчеркивается значение “негосударственной социальной политики”, роль сообществ и самих индивидуумов. От многих подходов “третьего пути”, разработанного совместно Блэром, Шредером и Гидденсом, приходится отказываться, но тезис “нет социальных прав без симметричных обязанностей” остается актуальным.

Возобновилась дискуссия о соотношении трудовых прав и прав человека, партикуляризма и универсализма. Продолжается трансформация пенсионных систем в различных странах, идет уменьшение доли распределения, увеличение индивидуального участия. Некоторые авторы убеждены, что идет эрозия социального государства из-за все большего доминирования идеологии неолиберализма. Жертвами этого процесса становятся не только бедные, но и “средний класс обеспеченных работников”, обладающих специальными знаниями и высокой квалификацией, значимость которых сегодня “катастрофически падает, поскольку операции с финансами и перепродажей собственности оказываются гораздо более выгодными для владельцев бизнеса, нежели реальное производство товаров и услуг” [Taylor, 2010, p. 36].

В разных странах можно наблюдать все более активное перераспределение доходов и инструментов для их получения в пользу крупного бизнеса в противовес “эффекту просачивания благосостояния”, который был обещан либералами. Новый мировой экономический и социальный порядок, формирующийся в последние годы, похоже, будет весьма экономным в отношении тех, кто производят товары и услуги, а социальная политика так и не станет более социальной, чем была в последние 20 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Текущая современность. М., 2009.
- Бек У.* Общество риска: на пути к новому модерну. М., 2000.
- Берто Д.* Полезность рассказов о жизни для реалистической и значимой социологии // Материалы международного семинара. СПб., 1997.
- Блэр Т., Шредер Г.* Третий путь – Новая середина // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000.
- Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998.
- Бурдые П.* Начала. М., 1994.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- Бьюкенен Дж., Таллок Г.* Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М., 1997.
- Голофаст В.Б.* Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ // Материалы международного семинара. СПб., 1997.
- Дернер Д.* Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М., 1997.
- Дискуссия о срочных мерах, предпринимаемых Правительством Д. Кэмерона (<http://www.newsinfo.ru/articles/2010-10-20/item/741028/>).
- Доклад о развитии человеческого потенциала за 2010 г. (http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_ch2.pdf).
- Комплексная разработка индикаторов социальной сплоченности. Методологическое руководство. Страсбург, 2006.
- Лобье П. де.* Социальная доктрина католической церкви. Брюссель, 1989.
- Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1–2.
- Маритен Ж.* Человек и государство. М., 2000.
- Поппер К.* “Открытое общество” и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992.
- Сабуров Е.Ф.* От дисциплинарного империализма к гедонистическому утилитаризму // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Сен А.* Развитие как свобода. М., 2004.
- Скотт Дж.* Благими намерениями государства. М., 2005.
- Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Весна 1993. Вып. 2.
- Эспин-Андерсен Г.* Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 2.
- Abrahamson P.* Social Policy in Changing Europe. Roskilde University. 1993.
- Dean H.* Critiquing Capabilities: the Distractions of a Beguiling Concept // Critical Social Policy. 2009.
- Espin-Andersen G.* Three Worlds of Welfare Capitalism. London, 1989.
- Helen I.* Welfare and its Vicissitudes // Acta Sociologica. 2000. Vol. 41.
- Giddens A.* Fate, Risk & Security // A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991.
- O'Molloy P.* Risk and Responsibility // Foucault and Political Reason. London, 1996.
- Rose N.* The Death of the Social // Economy and Society. 1996. 25 (3).
- Schuit Theo N.M.* Philanthropy and the Diversification of the Western European “Welfare State” Model // European Journal of Social Work. 2001. V. 4. № 11.
- Taylor P.* The Careless State: Wealth and Welfare in Britain Today. London–New York, 2010.
- Taunsend P.* A Sociological Approach to the Measurement of Poverty // Oxford Economic Papers. 1998. Vol. 37.
- Titmuss R.M.* The Welfare State and Welfare Society // The Philosophy of Welfare. London, 1987.
- Veit-Wilson J.* States of Welfare: a Conceptual Challenges // Social Policy and Administration. 2000. Vol. 34. № 1.